

КАДАСТРОВАЯ ВЕДЬМА.

ГЕРЦОГ, ВАШ ЗАМОК
ПОД СНОС!

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

Павел Лимонов

**Кадастровая ведьма.
Герцог, ваш замок под снос!**

«Автор»

2026

Лимонов П.

Кадастровая ведьма. Герцог, ваш замок под снос! / П. Лимонов —
«Автор», 2026

В прежней жизни я была кадастровым инженером. В новой стала осужденной межевой ведьмой, чья подпись отправила под снос замок герцога Риана Дорвеля. В крепости живут двести одиннадцать человек, которых официально не существует. У меня тридцать дней, чтобы восстановить настоящую границу двух королевств и доказать, что реестры годами подделывали ради незаконной добычи. Каждое магическое исправление лишает меня чувства направления, печать погибшей хозяйки тела превращает любую улику в обвинение, а Риан считает меня виновной в приговоре его дому. Он не просит спасти титул ценой лжи. Я не обещаю сохранить замок вопреки фактам. Но чем ближе мы к правде, тем яснее: на этой границе решается не только судьба крепости. Мне предстоит отстоять право сотен людей на дом, свое право на новую жизнь и чувство к мужчине, чья крепость может не пережить моего честного решения.

© Лимонов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Приговор по карте	5
ГЛАВА 2. Госпожа Вейр умерла	13
ГЛАВА 3. Первый камень	21
ГЛАВА 4. Люди между коронами	29
ГЛАВА 5. Записки Нериссы	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Павел Лимонов

Кадастровая ведьма.

Герцог, ваш замок под снос!

ГЛАВА 1. Приговор по карте

В третий раз за утро приемник утверждал, что межевой знак стоит на двести восемнадцать метров восточнее самого себя.

Я сняла перчатку, вытерла экран краем рукава и запустила измерение заново. Спутники никуда не делись, базовая станция отвечала, поправка приходила без задержки. На штативе горел зеленый индикатор. Если верить аппаратуре, бетонный столб передо мной одновременно находился у кромки старого карьера и посреди березняка за дорогой.

Верить аппаратуре в таких случаях было удобно, но дорого.

— Варвара Андреевна, вы там надолго? — крикнул прораб от машины.

— Пока точка не окажется в одном месте.

— В акте она уже в одном.

— Поэтому я и приехала.

Он ответил не сразу. Я не оборачивалась, но услышала, как хлопнула дверца. Прораб не пошел ко мне. Ветер тянул из карьера пыль, и на сером борту выемки были видны свежие полосы от ковша. Работы здесь остановили только на бумаге. За ограждением продолжали снимать грунт, хотя спор о границе участка еще не закончился.

Вечером начальник ждал от меня короткий акт: контроль выполнен, исходные данные подтверждены, препятствий для разработки нет. Такой текст уже лежал в рабочей папке. Мне оставалось поставить подпись.

Два года назад я тоже отказалась подписывать неверную съемку. Отказ зарегистрировали, переслали в три отдела и положили к заявлению, которое рассматривали сорок семь дней. Два дома снесли на девятый. Я тогда повторяла себе, что не имела полномочий останавливать работы. Формально это было правдой. Людям, которые успели вынести из дома только документы и детские вещи, от моей правоты пользы не было.

С тех пор я не ждала четвертого измерения, если три первых расходились одинаково.

Я переставила приемник на резервную точку. Координата совпала с каталогом до сантиметра. Вернулась к старому знаку, проверила уровень штатива и опустила на корточках. Столб поставили еще до открытия карьера. Бетон выкрашивался по краям, но металлическая марка в центре сохранилась. На ней проступала незнакомая насечка: две пересекающиеся дуги и короткая черта между ними.

Вчера этой насечки не было.

Я провела пальцем по металлу. Рисунок не оказался царапиной на грязи. Канавки были ровными и свежими, хотя блеска у среза не было. На экране приемника координата снова сменилась. Теперь две точки чередовались каждые несколько секунд.

— Очень смешно, — сказала я прибору и тут же поморщилась.

С техникой я не разговаривала даже в тяжелые дни. Она все равно не отвечала и не несла ответственности.

Под подошвой хрустнул щебень.

Я успела снять приемник со штатива. Земля у столба осела на ширину ладони, затем трещина побежала к ограждению. Прораб закричал, чтобы я отходила. Я сделала шаг, но край

выемки уже отделился от площадки. Штатив упал первым. За ним ушел бетонный знак, сохраняя вертикальное положение, пока пласт грунта не перевернулся.

Я бросила приемник в сторону машины и легла, стараясь распределить вес. Это помогло на секунду. Под правой рукой просел песок, пальцы сорвались, и я ударилась плечом о край.

Внизу не было видно дна.

Была узкая синяя полоса, слишком ровная для отражения неба. Она проходила через грунт и бетон, не меняя ширины. Я заметила на ней деления, похожие на отметки стальной рулетки, а потом площадка подо мной обрушилась.

Я не падала долго. Боль пришла сразу: затылок, запястье, ребра. Последним звуком с карьера стал глухой удар приемника о дверь машины.

Следующий удар раздался уже рядом с моим лицом.

Деревянная рукоять коснулась каменного пола. Кто-то отступил, освобождая место, и сказал:

— Она пришла в себя.

Я открыла глаза.

Надо мной склонилась женщина в темно-синей одежде. Белые волосы были убраны под жесткую шапочку, на цепочке у нее висела круглая линза. Женщина подняла мне веко, посмотрела на зрачок и спросила:

— Госпожа Вейр, вы меня слышите?

Я слышала. Хуже того, я понимала каждое слово, хотя язык звучал непривычно: согласные были тверже, окончания короче. Смысл возникал без перевода.

— Слышу.

Голос оказался чужим. Ниже моего и хриплым, как после долгого молчания.

Я подняла руку к горлу. Пальцы были тоньше, чем мои, ногти коротко срезаны и покрыты темной пылью. На левом запястье белел старый ожог в форме овала. Мои часы исчезли. Куртка, свитер, рабочие брюки тоже. Вместо них на мне было серое платье с плотным воротом и широкий кожаный пояс.

— Где я?

Женщина с линзой замерла. За ее плечом стояли люди, и никто из них не выглядел так, будто вопрос показался разумным.

Помещение напоминало судебный зал, только столы располагались полукругом вокруг низкого помоста. В нишах горели масляные лампы. На дальней стене висела карта, собранная из шести листов. У карты стоял мужчина в черном сюртуке и держал указку.

— Обморок не отменяет решения палаты, — произнес он. — Если обвиняемая способна говорить, заседание будет продолжено.

— Она ударилась головой, — возразила женщина.

— Я не ударилась головой здесь, — сказала я.

Это было глупое уточнение. По залу прошел сдержанный шум.

Женщина помогла мне сесть. Пол не качался, но тело отзывалось с задержкой, как после сильного головокружения. Я проверила затылок. Крови не было. Волосы оказались длинными, гладкими и собранными на затылке. К этому можно было вернуться позже. Сейчас в зале находилось не меньше сорока человек, двое стражников держали руки на рукоятках коротких мечей, а мужчина у карты называл меня обвиняемой.

— Ваше имя? — спросила женщина.

— Варвара Лебедева.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Вы Нерисса Вейр, старшая межевица Коронной палаты.

— Нет.

— Довольно, — сказал председатель за центральным столом.

Ему было около шестидесяти. Перед ним лежали две медные пластины, стопка документов и песочные часы. Он не повышал голос; зал замолчал потому, что остальные привыкли исполнять его распоряжения.

— Лекарь останется рядом. Госпожа Вейр может дать заключительное подтверждение сидя.

— Подтверждение чего? — спросила я.

Теперь шум стал громче. Кто-то произнес слово «притворяется».

Мужчина у карты положил указку на стол.

— Подтверждение составленного вами межевого акта. Крепость Дорвель находится восточнее государственной черты, занесена в реестры Лаверна и Остена и не имеет законного владельца. Центральная башня пересекает два защитных контура. Палата постановила снять оба укрепления, переселить гарнизон и начать разбор через семь дней.

— В крепости нет гарнизона, — сказал мужчина у левого края зала.

Он сидел один, хотя за длинной скамьей хватило бы места для троих. Темные волосы были коротко острижены, ворот сюртука расстегнут, на правой ладони виднелся старый шрам. Сломанный когда-то нос не портил лицо, но сразу лишал его придворной гладкости.

— В крепости двести одиннадцать гражданских, — продолжил он. — Семьдесят восемь семей. Их имена и имущество внесены в приложение к моей жалобе.

— Эти люди не зарегистрированы ни в одном из представленных приходов, герцог Дорвель, — ответил председатель.

— Именно поэтому они находятся у меня.

— И именно поэтому их переселение не относится к условиям сноса.

Мужчина медленно встал.

— Вы предлагаете считать отсутствие документов доказательством отсутствия людей?

— Я предлагаю соблюдать предмет заседания.

Герцог перевел взгляд на меня. В нем не было надежды. Я увидела узнавание и сдержанную злость человека, который уже разговаривал с этой женщиной и не получил ничего, кроме вреда.

— Межевица Вейр подтвердила карту дважды, — сказал председатель. — Сегодня ей предоставлена последняя возможность объяснить расхождение с реестром Остена.

Передо мной поставили стул. Я поднялась с помощью лекаря и села, чтобы не проверять устойчивость чужих ног на глазах у зала.

— Покажите акт, — попросила я.

— Вы его составляли.

— Тогда мне будет нетрудно узнать собственную работу.

Председатель задержал взгляд на моем лице, но кивнул секретарю. Молодой мужчина принес листы, скрепленные черной нитью. Текст я прочитала сразу. Почерк был незнакомым, термины местами ничего мне не говорили, зато таблица измерений не нуждалась в переводе.

Шесть поворотных точек. Длины сторон. Направления. Высоты. Под каждой строкой стояла маленькая печать с тем же знаком, который я видела на металлической марке у карьера.

Я прошла данные один раз, потом второй.

— Нужны перо и чистый лист.

— Для чего? — спросил председатель.

— Чтобы показать ошибку так, чтобы ее мог проверить любой человек в зале.

Герцог Дорвель сделал шаг к проходу.

— Дайте ей все, что она просит.

— Вы не распоряжаетесь в палате, — заметил мужчина у карты.

— Тогда распорядитесь сами. Через семь дней ваши рабочие придут к моим стенам. Я хотел бы знать, умеют ли они считать лучше ваших свидетелей.

Председатель поднял ладонь, останавливая ответ. Секретарь принес письменный набор. Перо пришлось держать иначе: пальцы знали нужный наклон, хотя я не знала, откуда. На чистом листе появились четкие местные цифры.

Я выбрала условный масштаб, разложила каждую сторону на две составляющие и записала суммы. В университете нас учили делать такие проверки вручную до того, как подпускали к нормальному программному обеспечению. Тогда это казалось лишним издевательством. Сейчас у меня не было ни калькулятора, ни знакомой системы координат, зато таблица содержала достаточно данных.

— Если пройти от первой точки по указанным направлениям и расстояниям, — объяснила я, — последняя точка должна совпасть с первой. Иначе граница остается разомкнутой.

— Контур замкнут печатью, — сказал мужчина у карты.

— Я говорю о геометрии. Печать не может отменить длину стороны.

— Межевой контур подчиняется записи.

— Тогда запись должна описывать существующее место. Иначе вы закрепили ошибку вместо границы.

Я подвела черту под расчетом. В первом направлении не хватало ста шестидесяти четырех шагов, во втором — ста сорока трех. Полное расхождение получалось чуть больше двухсот восемнадцати.

— При такой невязке крепость можно поставить куда угодно в пределах нескольких полей, — сказала я. — В том числе одновременно в двух королевствах. Эта таблица не подтверждает положение стены.

Председатель не взял мой лист. Он посмотрел на человека у карты.

— Регистратор Саэль?

Тот подошел, прочел расчет и сжал губы.

— Возможна ошибка переписчика.

— В шести строках? — спросила я.

— Вам ли говорить о возможностях ошибки, госпожа Вейр?

Я пропустила выпад. Вопрос был неприятным, но к цифрам не относился.

— Покажите полевой журнал.

— Оригинал изъят по вашему делу.

— Тогда контрольную пластину.

В зале стало тише. Несколько человек обернулись к столу председателя.

— Она не представлена, — ответил секретарь после короткой паузы.

— Без нее вы не знаете, что переписали верно.

— Вы утверждаете, что ваш собственный акт подложен? — спросил председатель.

Я посмотрела на подпись внизу. Нерисса Вейр. Ровные вытянутые буквы, под ними овальный знак и три коротких штриха. Возможно, женщина, чьи руки лежали сейчас на столе, действительно подписала документ. Возможно, ее подпись перенесли. У меня не было ни одного факта, чтобы выбрать ответ.

— Я утверждаю только то, что могу доказать: приведенные измерения не образуют замкнутой границы. Подписать их как верные я не могу.

Герцог не шевельнулся. Его внимание было направлено на расчет, а не на меня.

Председатель откинулся на спинку кресла.

— Секретарь, огласите статью о незамкнутом контуре.

Молодой мужчина раскрыл толстую книгу с закладками.

— Если лицензированная межевица до снятия государственной печати заявляет измеримое расхождение, превышающее установленный допуск, палата обязана предоставить срок для полного обхода. До завершения обхода или письменного отказа заявителя окончательная

запись, отчуждение земли и разбор закрепленных строений приостанавливаются. Предельный срок — ближайшее новолуние.

— До новолуния тридцать дней, — сказал председатель. — Госпожа Вейр, вы заявляете полный обход?

Теперь я понимала хотя бы размер предложения. Тридцать дней в мире, о котором я ничего не знала. Чужая должность. Чужое обвинение. Магия, которую здесь обсуждали как часть регистрации имущества. Альтернативой был приговор по документу с моей новой подписью.

— Заявляю.

— Вы осознаете ответственность?

— Назовите ее.

Регистратор Саэль усмехнулся, но председатель ответил без раздражения:

— Если заявленное расхождение не подтвердится, прежнее обвинение в государственном подлоге будет дополнено ложным вызовом обхода. Лицензия изымается, имущество переходит короне, срок заключения определяется Советом. Если в ходе проверки будет создана угроза границе, обвинение может быть пересмотрено как измена.

Я подумала о том, что еще час назад у меня были квартира с невыплаченной ипотекой, брат в Екатеринбурге и начальник, который ждал акт. Если провал у карьера был настоящим, искать меня уже начали. Я не знала, осталось ли там тело, которое можно найти.

Горевать посреди чужого суда было невозможно. Мне требовалось дожить хотя бы до момента, когда я пойму, что произошло.

— Осознаю.

— А если расхождение подтвердится? — спросил герцог.

Председатель повернулся к нему.

— Палата созывает совместную комиссию Лаверна и Остена. Приказ о разборе будет пересмотрен на основании нового контура.

— И люди в крепости?

— До решения остаются под вашей ответственностью.

— Они и так под моей ответственностью.

В этой реплике не было ничего торжественного. Герцог произнес ее как факт, который приходилось подтверждать слишком часто.

Секретарь записал решение в книгу. Мне принесли медную пластину размером с ладонь. В углу находилась овальная выемка.

— Приложите личную печать, — велел председатель.

Я посмотрела на собственные руки.

— Где она?

Лекарь рядом со мной коротко втянула воздух. Регистратор Саэль перестал скрывать усмешку.

Герцог сунул руку в карман сюртука и положил на стол небольшой металлический футляр.

— Ее сняли с госпожи Вейр после обморока, — сказал он. — Секретарь собирался приобщить печать к делу.

— Почему она у вас? — спросил председатель.

— Потому что ваш секретарь уронил футляр под мою скамью. Я не хотел, чтобы государственный инструмент снова оказался не там, где записано.

Секретарь покраснел и потянулся к футляру. Герцог придержал его двумя пальцами.

— Сначала внесите в протокол, у кого печать находилась последние пять минут.

Председатель кивнул. Запись сделали при всем зале. Только после этого футляр передали мне.

Внутри лежала овальная печать на короткой рукояти. Матовый металл был исчерчен мелкими линиями. Я не почувствовала ни тепла, ни чужой памяти, ни подсказки. Обычный предмет с опасными полномочиями.

— Я не знаю, как ей пользоваться, — сказала я.

Регистратор Саэль рассмеялся первым. Несколько голосов поддержали его.

Председатель не улыбнулся.

— Вы требуете обход и одновременно отказываетесь от подтверждения?

— Я не отказываюсь. Я предупреждаю, что после обморока не помню порядок действий. Если существует безопасная процедура, секретарь должен прочесть ее вслух и отметить, что я следовала инструкции при свидетелях.

Смех прекратился.

Секретарь нашел нужный раздел. Для заявления не требовалось закреплять линию: следовало поставить сухой оттиск в овальную выемку, назвать первую и последнюю точки будущего обхода и провести печатью по прямой канавке. Я повторила последовательность ровно так, как он прочел.

На меди появилась тонкая темная линия. Она раздваивалась возле середины пластины, затем снова соединялась.

Я не стала спрашивать, что это значит. По лицу председателя поняла: нормой такой след не был.

— Заявление принято, — сказал он. — До новолуния межевица Вейр находится под надзором палаты. Герцог Дорвель обеспечивает дорогу, проживание и доступ к спорной территории. Капитан Дерен Фосс отвечает за охрану и ведет отдельный журнал перемещений. Любое воздействие на заявительницу будет рассмотрено как попытка сорвать государственную проверку.

— А любое ее воздействие на мои земли? — спросил герцог.

— Будет рассмотрено по итогам обхода.

— Мне понадобятся материалы, — сказала я, пока секретарь не закрыл книгу. — Копия акта с таблицей, перечень всех опорных камней, сведения об исходной системе и журнал последних изменений.

Регистратор Саэль повернулся ко мне всем корпусом.

— Вы только что заявили, что не помните порядок работы межевицы. На каком основании требуете доступ к государственному реестру?

— На основании проверки, которую вы согласились провести. Или предполагается, что я должна определить подлог без исходных данных?

— Предполагается, что вы повторите собственную работу.

— Тогда тем более нужен полевой журнал.

Председатель постучал ногтем по медной пластине. Темная раздвоенная линия оставалась видна.

— Оригиналы из палаты не выносятся. Секретарь подготовит заверенные копии акта, списка опор и реестровых изменений за последний год. Полевой журнал не найден при обыске.

— Когда он пропал?

— Это устанавливает следствие.

— Кто видел его последним?

Саэль ответил раньше секретаря:

— Госпожа Вейр, вы пытаетесь вести допрос людей, которые расследуют ваши действия.

— Я пытаюсь понять, с чем поеду на участок. Пока у меня есть неправильная таблица и печать, которой я не умею пользоваться. Такой набор удобен только для нового обвинения.

Председатель посмотрел на меня без прежней усталости.

— Секретарь внесет вопрос о журнале в протокол. Ответы получите в письменном виде. Что еще?

Я перевела взгляд на карту. На ней были отмечены десятки мелких точек, но легенду закрывал край соседнего листа.

— Кто определяет маршрут?

— Вы, — сказал председатель. — Полный обход означает личное прохождение всего заявленного контура. Изменить начальную точку после выезда нельзя.

— Тогда начальной будет северная опора у крепости. Последней — она же.

Герцог едва заметно изменил положение головы.

— Почему северная?

— Она ближе всего к стене и дальше всего от реки. Если точка устойчива, я получу основу для проверки. Если нет, узнаю это до того, как придется спорить с течением и двумя государствами одновременно.

— Разумно, — сказал председатель.

Саэль промолчал. Я не знала, означало ли его молчание согласие или новое подозрение, и не стала выбирать удобную версию.

Решение устроило не всех, но спорить никто не стал. Стражники проводили меня в боковую комнату. Лекарь снова проверила зрачки, велела выпить воды и спросила, помню ли я сегодняшний день.

— До падения — помню.

— До какого падения?

— Это долгий ответ.

— У нас три дня дороги.

— Вы едете со мной?

— Нет. Но герцог, судя по его лицу, задаст тот же вопрос.

Она оставила на столе воду и вышла. Я подошла к узкому окну. Во дворе стояли закрытые экипажи, лошади и люди в форме, которой я никогда не видела. За крышами поднимались две каменные башни. Ни одной машины, провода или антенны.

Отражение в стекле принадлежало незнакомой женщине. Темные волосы, карие глаза, узкое лицо. Мне хотелось рассмотреть его подробнее, найти хотя бы одну знакомую черту, но за дверью раздались шаги.

Герцог Дорвель вошел без сопровождения и остановился у порога.

— Лекарь разрешила вам ехать утром, — сказал он. — До крепости три дня, если мосты целы.

— А если нет?

— Тогда дольше. Это одна из причин, по которым мне нужен настоящий межевой акт.

Он положил на стол копию судебного решения. Не передо мной, а на свободный край, оставляя расстояние.

— Я не знаю, что с вами произошло, госпожа Вейр. Потеря памяти, болезнь или новая попытка выиграть время. Но ваш прежний акт лишил моих людей документов, а сегодня вы получили власть задержать снос. Я не позволю использовать их второй раз.

— Я не прошу позволения.

— Это я уже понял.

— И я не обещала спасти ваш замок.

Его ладонь легла на спинку стула. Шрам пересекал основание большого пальца и продолжался под манжетой.

— Что вы обещаете?

— Проверить каждую точку и не подписывать того, чего не измерила.

— Этого было бы достаточно месяц назад.

— Меня месяц назад здесь не было.

Он посмотрел прямо на меня.

— Тогда кто был?

Я могла повторить имя и рассказать о карьере. Пока у меня не было способа отличить правду от бреда женщины, которую только что подняли с пола. Мне самой требовались данные.

— Не знаю, — ответила я. — Но выясню.

Герцог забрал со стола пустой стакан, поставил к кувшину и направился к двери.

— Завтра на рассвете, госпожа Вейр. В крепости вы получите доступ ко всем камням, которые подписала Нерисса.

— И к документам.

Он остановился.

— К тем, которые сохранились.

— Это плохая формулировка.

— Согласен.

Дверь закрылась. Я развернула судебное решение и прочитала его от первой строки до последней. Потом взяла лист со своим расчетом и проверила еще раз.

Расхождение осталось тем же.

В новом мире у меня не было ни дома, ни права на собственное имя, ни уверенности, что я проживу следующий месяц. Зато была карта, которая не сходилась на двести восемнадцать шагов.

С этого можно было начать.

ГЛАВА 2. Госпожа Вейр умерла

К рассвету палата прислала не все, что обещала.

На столе в гостевой комнате лежали заверенная копия акта, список опорных камней и выписка из реестра за последние двенадцать месяцев. Полевого журнала не было. Вместо ответа о том, кто видел его последним, секретарь приложил справку: «Местонахождение устанавливается».

Я перечитала ее дважды. В обоих случаях местонахождение осталось неустановленным.

Список опор занимал четыре листа. Обычный текст я понимала без усилий, но профессиональные слова тормозили чтение. «Сердечник двойного согласования» ни с чем не связывался. «Остаточный ход» мог означать и величину смещения, и право проезда. Возле каждого камня стояли дата, код палаты и имя межевицы. Под большинством последних записей значилась Нерисса Вейр.

Моими они от этого не становились.

Я сложила бумаги в кожаную папку и проверила футляр с печатью. Он закрывался на маленькую пружинную защелку. Никакого замка. Любой человек, получивший футляр на минуту, мог вынуть инструмент, сделать оттиск и вернуть обратно.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появился мужчина в темно-зеленом мундире. Ему было за сорок, седина началась у висков, пояс сидел ровно, без лишних пряжек. Он представился капитаном Дереном Фоссом и сразу раскрыл журнал.

— Семь часов десять минут. Межевица Вейр получила три пакета палаты, личную печать и дорожную сумму в двенадцать серебряных крон. Подтвердите.

— Денег я не получала.

Дерен посмотрел на пустой край стола.

— Секретарь внес их вчера.

— Пусть покажет расписку.

— Расписка в пакете.

Я проверила внутренний карман папки. Там действительно лежал маленький лист с подписью Нериссы. Дата стояла вчерашняя, когда я еще работала у карьера.

— Это не моя подпись.

— Вы заявляете подлог?

— Я заявляю, что денег у меня нет, а подпись поставила не я. Если двенадцать крон найдутся в моих вещах, внесете отдельной строкой, где именно.

Капитан зачеркнул первую запись одной линией, оставив текст читаемым, и рядом указал причину.

— Тогда до крепости ваши расходы несет герцог. Палата возместит их после проверки.

— Это делает меня его должницей?

— Нет. Судебное решение возложило дорогу на него.

— Запишите и это.

Дерен поднял взгляд.

— Я собирался.

— Хорошо.

— Мне передали, что вы не помните порядок работы палаты.

— Верно.

— Но порядок исправления записей понимаете.

— Я понимаю, что исправление должно оставаться видимым. Вы сделали правильно.

— Обнадеживает.

Он не улыбнулся, но в голосе появилась сухая нотка, которую я приняла за юмор. Мне хотелось узнать, кем он считал Нериссу и почему согласился вести журнал при герцоге. Времени на допрос не было. Во дворе уже запрягали лошадей.

Вещи Нериссы уместились в дорожный сундук. Два платья, белье, плащ, сапоги, щетки, сложенный ремень с пустыми гнездами для инструментов. В маленьком кармане нашлись три медные марки, обломок грифеля и ключ. Писем, портрета или личной записки не было.

Я отдала капитану три марки для внесения в журнал и оставила ключ при себе.

— От чего он? — спросил Дерен.

— Не знаю.

— Запишу как неопознанный.

— И не отдавайте никому без моей расписки.

— Ключ у вас.

— Это не мешает кому-нибудь позже утверждать обратное.

Он закрыл журнал.

— Теперь я начинаю понимать, почему вы нашли ошибку за пять минут.

Во дворе ждали два экипажа и шестеро всадников. Я ехала в первом вместе с врачом до городской заставы; дальше ее место должен был занять капитан. Риан сидел верхом. На фоне людей в форме он отличался отсутствием знаков, кроме серебряной застёжки на плаще. Вчера я приняла его сдержанность за привычку человека, которому все уступают. Сегодня увидела, что он сам проверял подпруги и спрашивал каждого возчика о запасной упряжи.

Наблюдение не делало его добрым. Оно уточняло данные.

Когда экипаж тронулся, врач велела мне не читать на ходу. Я послушалась до заставы. Там она снова проверила координацию, спросила о тошноте и выписала справку, что дорога не угрожает моей жизни.

— А работа межевицы? — спросила я.

— После сильного срыва нужна неделя покоя.

— У меня был сильный срыв?

Врач убрала линзу в футляр.

— Вы потеряли сознание в закрытом зале и несколько минут не дышали.

— Несколько минут?

— Около двух. Сердце не определялось. Потом вы вдохнули и назвали другое имя.

Я села ровнее.

— Почему об этом не сказали на заседании?

— Я сказала председателю. В протокол внесли «краткая остановка жизненных признаков после перегрузки». Палата не любит слова, которые требуют отдельного расследования.

— Нерисса умерла.

Женщина застегнула сумку.

— Ее тело живо.

— Я не она.

— Для врача тело имеет значение. Для суда, вероятно, тоже. Остальное вам придется доказывать не мне.

Она вышла. Капитан сел напротив, положил журнал на колени и спросил, готова ли я продолжить путь. Я кивнула, потом вспомнила его правила.

— Готова. Восемь часов двадцать минут.

— Уже записано.

За городом дорога шла между полями. Каменные столбы отмечали расстояние, на перекрестках висели деревянные указатели. Я пыталась сопоставить названия с картой из акта, но часть топонимов там отсутствовала. Через час от чтения заболели глаза, и я убрала бумаги.

— Капитан, кто имеет право снять копию с личной печати межевицы?

— Гравер палаты при выдаче и продлении лицензии. Еще мастер государственного хранилища, если печать повреждена.

— Когда Нерисса продлевала лицензию?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Ее личное дело. Оно осталось в палате.

— Значит, запросим копию.

— Вы говорите так, будто уверены, что палата ответит.

— Я уверена, что отказ тоже является документом.

Дерен сделал запись. Он не задавал лишних вопросов, но после полудня, когда дорога поднялась на холм и экипаж замедлился, сам сказал:

— Нерисса Вейр ехала в столицу с конвоем. Ее задержали в крепости два месяца назад после последнего сдвига.

— Кто задержал?

— Я. По приказу герцога.

— За что?

— Семь семей из Бренна проснулись подданными Остена. За день до этого госпожа Вейр закрепляла речной участок и заявила, что отклонений нет. Мы потребовали повторную проверку. Она отказалась и попыталась уехать.

— Вы применили силу?

— Перекрыли ворота. Она предъявила коронный приказ, и герцог отпустил ее. Через неделю палата обвинила ее в подлоге уже по другой части границы.

— Она что-нибудь объяснила?

— Сказала, что измерения верны, а герцог не понимает закон.

— Он не понимает?

— Иногда понимает только ту часть закона, которая защищает его людей.

— А вы?

— Я стараюсь понимать ту часть, после которой мои солдаты не начинают войну.

Этого было достаточно, чтобы услышать разницу между ними.

К вечеру мы остановились на почтовом дворе. Риан распорядился поставить мой сундук в комнате на втором этаже и назначил двух женщин из стражи у лестницы. Я потребовала, чтобы Дерен записал их имена и время смены. Герцог дождался конца записи, затем спросил:

— Вы подозреваете каждого человека на дороге?

— Я не знаю ни одного человека на дороге.

— Вчера вы знали достаточно, чтобы потребовать мои земли для обхода.

— Я потребовала спорный контур, а не ваши земли.

— Для людей, которые там живут, разница невелика.

— Для суда она решающая.

Он посмотрел на папку под моей рукой.

— Вам выдали материалы?

— Часть. Полевой журнал пропал. Контрольной пластины нет. Двенадцать крон получены по подписи Нериссы вчера.

— Вчера вы были в палате весь день.

— Вчера Нериссы уже не было.

Риан перевел взгляд на Дерена. Капитан не вмешался, только раскрыл журнал.

— Я хочу сделать официальное заявление, — сказала я. — При двух свидетелях.

Одна из женщин у лестницы вошла в комнату. Дерен назвал ее старшей стражницей Лес-сой Морн и записал время.

Я встала у стола. Мне было легче говорить, когда руки лежали на твердой поверхности.

— Меня зовут Варвара Андреевна Лебедева. Мне тридцать четыре года. Я родилась в России и работала кадастровым инженером. Сегодня утром я проводила измерение у карьера, земля провалилась, и я потеряла сознание. Пришла в себя в зале палаты. Женщина по имени Нерисса Вейр умерла до того, как я открыла глаза. Я нахожусь в ее теле, не имею ее памяти и не знаю, как это произошло.

Стражница Лесса не отвела глаз, но ее рука легла на знак у пояса. Дерен писал, не пропуская слов.

Риан дождался, пока я закончу.

— Россия находится в Остене?

— Нет.

— В Лаверне?

— Нет.

— За северным морем?

— В другом мире.

Лесса перекрестила запястья, коснувшись металлических пластин на манжетах. Вероятно, это был защитный жест. Никакого эффекта я не заметила.

— Вы понимаете, как звучит ваше заявление? — спросил Риан.

— Да.

— И хотите, чтобы я поверил?

— Я хочу, чтобы вы знали, с кем едете. Верить без проверки не советую.

— Удобная позиция.

— Гораздо удобнее было бы притвориться Нериссой с потерей памяти. Тогда вы сами объясняли бы мне все несоответствия болезни.

— Вы именно это и делаете, только выбрали объяснение, которое невозможно опровергнуть.

— Его можно проверять. Я не узнаю людей, которых знала Нерисса. Не умею пользоваться ее печатью. Знаю другую систему измерений и вещи, которых нет в ваших книгах. Каждое отдельное различие можно объяснить, но их совокупность стоит записать.

Риан подошел к окну. Во дворе конюх проводил лошадей под навес.

— Если Нерисса умерла, кто отвечает за ее подписи?

— Сначала нужно установить, какие подписи принадлежат ей.

— Вы избегаете ответа.

— Нет. Я не могу отвечать за ее решения. Но я отвечаю за все, что сделаю с сегодняшнего дня в ее теле и под ее печатью.

Дерен остановил перо.

— Записано. Подтверждаете?

— Подтверждаю.

Риан вернулся к столу и прочел страницу, не касаясь журнала.

— До проверки я буду обращаться к вам так, как требует решение палаты.

— Госпожа Вейр.

— Да.

— Я не приму это за согласие быть ею.

— А я не приму ваше заявление за доказанный факт.

Условия были неприятными и честными. Я согласилась.

На второй день Риан ехал в экипаже два часа, пока его лошадь отдыхала. Мы разложили карту между сиденьями. Я попросила показать границу на местности. Он называл повороты дороги, ручьи, деревни и старые башни без попытки доказать свою версию.

— Здесь Бренн, — сказал он, коснувшись точки у реки. — Мельница стоит на лавернском берегу. После последнего сдвига сама мельница осталась у нас, а плотина оказалась в Остене.

— Вода не меняла русло?

— Нет.

— Камни переносили?

— Мы не нашли следов.

— Кто проверял?

— Мои люди.

— Межевица?

— Нерисса отказалась вернуться. Другую палата не прислала.

Я отметила это на копии.

— Сколько подобных участков?

— Семнадцать за три года. Четыре вернулись после следующего новолуния. Остальные закрепились в новых записях.

— Почему вы не созвали совместную комиссию раньше?

— Для комиссии нужен акт межевицы или согласие двух палат. Нерисса писала, что отклонений нет. Остен считал перемены выгодными ему, пока весной граница не забрала у них два хутора.

— Тогда они заинтересовались.

— Тогда они обвинили меня в намеренном смещении.

— Вы могли это сделать?

— Нет. У меня нет межевой магии.

— Но есть доступ к камням.

— Есть. Поэтому я приказал вести охранные журналы и ставить по два поста. Палата объявила это вмешательством в свою работу.

Он отвечал спокойно. У меня не было причин принимать каждое слово за правду, но конкретные ответы можно было проверять. Я записала номера постов и имена сменных начальников.

На ночлеге Дерен показал мне дорожный журнал. Риан за день трижды покидал колонну: проверял разрушенный водоотвод, разговаривал с начальником заставы и отправлял вперед гонца. Каждый раз время возвращения было отмечено. В моих перемещениях значились только остановки.

— Вы ведете его так всегда? — спросила я.

— С тех пор как обвинения начали меняться быстрее границы.

— Герцогу это нравится?

— Нет.

— Поэтому журнал полезен.

Дерен закрыл книгу.

— В этом вы с ним похожи. Оба считаете неприятный факт особенно полезным.

Третий день начался дождем. Колеса вязли на разбитых местах, и люди дважды подкладывали под них доски. К вечеру дорога поднялась на каменный уступ.

Крепость Дорвель появилась не сразу целиком. Сначала я увидела западную башню, затем длинную стену и крыши внутренних корпусов. Центральная башня была выше остальных и заметно старше: нижние ряды сложили из крупных серых блоков, верхние надстроили более мелким камнем. К стене примыкали склады, конюшни и два жилых крыла. За внешним рвом стояли телеги, навесы и временные печи.

Это было не парадное герцогское владение. Здесь жили люди, которым не хватило места внутри.

У ворот нас встретила Марта Ренн. Она назвала Риана «ваша светлость», меня — «госпожа межевица», а затем сообщила, что за время нашей дороги прибыло еще девять человек.

— Теперь двести двадцать, — сказала она. — Восемьдесят одна семья. Три комнаты освободили в южном крыле, одну заняла роженица. Северная казарма протекает над шестой койкой, но туда поставили корыто. На ужин хватает, на завтрак придется открыть запас крупы.

— Откройте, — ответил Риан. — Накладную передайте мне.

— Уже составила.

Марта повернулась ко мне. Ей было около шестидесяти, серое платье защищал широкий передник с карманами. В одном лежала связка ключей, в другом — короткий карандаш.

— Вам приготовили комнату в восточном крыле и стол в архиве. Если палата потребует держать вас под замком, пусть сначала пришлет отдельный замок и человека, который будет кормить вас по расписанию. Моих рук на это не хватает.

— Палата требует надзор, — сказал Дерен. — Не заключение.

— Тем лучше. Обед вы пропустили, ужин через час.

Она не спросила, виновна ли я. Вероятно, в ее списке существовали более срочные категории.

По дороге во внутренний двор нас остановил пожилой мужчина с двумя дощечками в руках. На одной стояла лавернская печать, на другой — остенская.

— Ваша светлость, склад снова не выдает мне доски, — сказал он Риану. — В первой книге мой дом числится в Бренне, во второй — за рекой. Крыша ждать не станет.

Риан взял дощечки, сравнил записи и передал Марте.

— Шесть досок из ремонтного запаса. Запишите как временную выдачу до решения о подданстве.

— Управляющий складом потребует залог, — сказала она.

— Залог внесу я.

Мужчина попытался благодарить. Риан остановил его вопросом о длине балок и пошел дальше, когда получил ответ.

Я задержалась.

— Когда ваши документы перестали совпадать? — спросила я.

— После зимнего новолуния, госпожа межевица. До него дом был здесь сорок лет.

— Камень возле дома кто-нибудь осматривал?

— Стража. Нас к нему не пустили.

— Кто не пустил?

— Инспектор из палаты. Сказал, мы заинтересованные люди.

Я записала его имя и номер обеих дощечек. Риан ждал у входа в главный корпус.

— У нас был час до ужина, — сказал он.

— Осталось пятьдесят три минуты.

— Вы всегда считаете так точно?

— Когда человек сообщает точное время.

— Тогда начнем с архива.

Архив занимал две комнаты рядом с канцелярией. На полках стояли книги расходов, списки жителей, копии приказов и карты. За отдельной решеткой хранились семейные документы. Дерен проверил окно, замок и второй выход. Марта принесла чистый журнал, чернила и связку ключей.

— Этот открывает стол, — сказала она, отделяя маленький ключ. — Этот — шкаф с картами. Этот — наружную дверь. Внутреннюю решетку открывает только герцог или я.

Я достала найденный утром ключ. По размеру он совпадал с замком небольшого железного ящика под столом.

— Это имущество Нериссы? — спросила Марта.

— Ключ был в ее сундуке.

Она присела, осмотрела скважину и кивнула.

— Ящик привезли вместе с ее инструментами. Мы не открывали.

— Сначала условия работы, — сказала я.

Риан снял плащ и положил на стул.

— Говорите.

— У меня будет отдельный полевой журнал. Дерен фиксирует выдачу каждого оригинала.

Я могу сделать копию и отправить ее судье, которая не подчиняется вам или палате.

— Судья Остена еще не прибыла.

— Тогда копии будут запечатаны до ее назначения.

— Согласен.

— Сопровождение необходимо у границы, но в архиве стража находится у двери, а не за моим плечом.

— Согласен, если дверь остается открытой.

— Я вправе остановить магическую работу при плохом самочувствии. Это не считается отказом от обхода.

Он посмотрел на Дерена.

— Закон?

— Прямой статьи не помню, — ответил капитан. — Но лекарь указала риск повторного срыва. Принуждение даст палате основание обвинить нас в воздействии на заявительницу.

— Тогда согласен.

— И последнее. Я не подпишу решение о собственности до полного обхода. Ни ваше право, ни приказ о сносе.

Риан оперся ладонями о стол.

— Вы повторяете то, что сказали вчера.

— Теперь это условие доступа к работе. Запишите.

Дерен записал. Риан прочел страницу и поставил подпись. Я поставила сухой оттиск, следуя вчерашней инструкции. Темная линия снова раздваивалась.

— Получается, вы защищены от меня лучше, чем мои люди от вашей подписи, — сказал он.

— Если условия соблюдаются, защищены все.

— Вы правда в это верите?

Вопрос относился не только к журналу. Я вспомнила два снесенных дома и сорок семь дней переписки.

— Нет, — ответила я. — Поэтому нужны копии и свидетели.

Риан выпрямился.

— Приступайте. Северная опора в получасе пешком. Утром я отведу вас туда сам.

— Вы не обязаны.

— Обязан обеспечить доступ. И хочу видеть, когда вы впервые решите, что мой замок стоит не там.

— Я уже решила, что карта неверна. Про замок пока ничего не знаю.

Он кивнул, как будто именно такого ответа ждал, и вышел вместе с Дереном. Стражница осталась снаружи. Марта перед уходом показала, где лежат свечи, и предупредила, что после ужина принесет списки новых семей.

Я открыла железный ящик ключом Нериссы.

Внутри находился разобранный угломер, две мерные ленты, складная линейка, медный стилус, запасные грифели и толстая книга в темной обложке. На первой странице было написано: «Порядок полевого закрепления межевых контуров. Издание Коронной палаты».

Я пролистала книгу. Поля были исписаны рукой Нериссы. Возле предупреждений о срыве стояли короткие отметки. Несколько формул были перечеркнуты и исправлены. Последние три страницы вырезали у самого корешка.

Между оставшимися листами лежала узкая полоска бумаги с одним предложением:

«Если северный камень цел, искать надо не в земле».

Я положила записку рядом с судебным актом и внесла находку в новый журнал.

До утра оставалось достаточно времени, чтобы прочесть руководство. До новолуния — двадцать шесть дней.

Сначала мне предстояло выяснить, как проверить камень, не превратив собственное тело в еще одну пропавшую улику.

ГЛАВА 3. Первый камень

К восьмой схеме я поняла, почему из руководства вырезали последние страницы.

Первые две сотни листов объясняли штатную работу. Как очистить паз, проверить сердечник, сверить угол, приложить печать и остановиться до замыкания, если числа расходятся. В конце каждой главы стояло предупреждение: порядок аварийного снятия закрепления приведен в приложении. Самого приложения не осталось.

Человек, который резал книгу, знал, что искать.

Я не пыталась восстановить отсутствующее по догадке. До рассвета выписала на отдельный лист только действия, необходимые для проверки северной опоры: обычный замер, осмотр камня и короткая пробная привязка между основной точкой и контрольным штырем. Она должна была показать направление действующего контура, не меняя его. По инструкции такой участок не превышал сорока шагов и прекращал действие, когда печать снимали с медной полосы.

Возле поля о цене Нерисса поставила два знака. Первый походил на обычную галочку. Второй был перечеркнут. Понять ее смысл я не смогла и внесла это в журнал.

Утром Риан пришел в архив с двумя рабочими и деревянным ящиком.

— Вы не спали? — спросил он.

— Спала два часа.

— Лекарь требовала покоя.

— Она требовала неделю после сильного срыва. Мы пока не знаем, был ли он сильным.

— Вы перестали дышать.

— Это серьезный довод. Поэтому сегодня я сделаю только пробу на коротком участке.

Он поставил ящик на стол. Внутри лежали еще одна стальная цепь, две вехи, отвес, деревянный уровень и складной треножник.

— Инструменты отца. Их не касалась палата.

— Последняя поверка?

— Не знаю.

— Значит, начнем с нее.

Риан посмотрел на стол, где уже лежали разобранный угломер Нериссы и обе ее ленты.

— До камня полчаса.

— Если инструменты верны.

— Камень от этого не станет ближе.

— Зато результат не станет удобнее только потому, что цепь растянулась.

Один из рабочих отвернулся. По движению плеч я поняла, что он скрывает улыбку. Риан велел принести каменную меру из двора и не стал продолжать спор.

Каменная мера оказалась гранитным желобом с двумя бронзовыми упорами на расстоянии ста местных делений. Ее использовали для проверки торговых цепей. Сталь Риана укладывалась между упорами с запасом в толщину ногтя. Одна лента Нериссы была короче меры на половину деления, вторая совпала.

— Берем вторую, — решила я. — Цепь пригодится для грубой разбивки после поправки. Первую ленту опечатаваем как неисправную.

— Половина деления на сто, — сказал Риан. — Для дороги это меньше ширины колеи.

— На пятидесяти километрах это уже две с половиной сотни делений. Ваш замок как раз спорит с картой на сопоставимую величину.

— Хорошо. Больше торопить не буду.

Он произнес это без обиды и расписался в журнале поверки. Первую полезную уступку от него я получила не потому, что понравилась ему. Я показала число, которое влияло на его задачу. Такой способ сотрудничества меня устраивал.

К северной опоре пошли впятером: я, Риан, Дерен и двое рабочих, Ларк и Овин. Один нес треножник, второй — ленты и лопаты. Дерен вел журнал и проверял время у карманных часов. Стражница Лесса осталась в нескольких шагах позади.

Тропа поднялась вдоль внешней стены. Крепость стояла на широком каменном выступе; к северу земля полого уходила к лугу, дальше начинался лес. На расстоянии примерно километра я заметила сторожевую площадку и дорогу, по которой мы приехали. Если официальная карта была верна, государственная черта пересекала луг по диагонали и входила прямо в центральную башню.

Никакого видимого знака на лугу не было.

— Где проходит контур? — спросила я Риана.

Он указал правее одинокого вяза.

— По последней карте — там.

— А раньше?

— Через лесную кромку. Камень стоит у старого караульного пути.

— Разница около ста пятидесяти шагов.

— Сто семьдесят четыре по замеру стражи.

Цифра совпадала с одним из отклонений в выписке. Я записала ее, не делая вывода.

Северная опора находилась в неглубокой впадине. Над землей выступала только верхняя треть гранитного столба, покрытая лишайником. В центре была закреплена квадратная медная крышка. На ней выбили коронный знак Лаверна, номер С-1 и дату двадцатисемилетней давности.

— Ее раскапывали после сдвига? — спросила я.

— Только до нижней метки, — ответил Риан. — Я запретил вынимать сердечник.

— Кто присутствовал?

Дерен назвал четверых стражников и двух каменщиков. Риан добавил, что посылал протокол в палату, но ответа не получил.

Я обошла опору. Земля с западной стороны была темнее: след прежней раскопки. У восточной грани рос молодой куст, корни уходили вдоль камня. Если столб переносили после посадки куста, часть корней пришлось бы разрубить. Видимых срезов не было.

— Сначала не копаем, — сказала я. — Ставим три точки и снимаем положение верхней марки.

Ларк установил треножник. Я попросила его не затягивать винты до упора, выровняла площадку и закрепила угломер. Прибор отличался от земного теодолита, но смысл оставался знакомым: круг с делениями, труба, уровень. Стекло было хорошим, механизм поворачивался с небольшим люфтом.

— Кто работал с ним последним? — спросила я.

— Нерисса, — ответил Дерен.

— До изъятия или после?

— Инструменты нашли в ее комнате после отъезда.

Я отметила люфт. Для точного обхода прибор требовал ремонта, но контрольный угол снять было можно, если повторить измерение в обоих положениях трубы.

Риан молча держал вежу у стены. Герцог с деревянной рейкой в руках выглядел непривычно только первые несколько минут. Он выполнял указания без демонстративного терпения и не пытался руководить рабочими поверх меня.

Первый угол совпал с планом двадцатисемилетней давности. Второй отличался от действующего реестра. Я поменяла положение трубы, повторила, затем попросила Овина переставить контрольную веху.

— Еще раз? — спросил Риан.

— Еще два.

— Вы уже получили одинаковый результат.

— Два одинаковых результата могут быть одной одинаковой ошибкой. Сейчас меняется положение прибора.

Он перестал задавать вопросы. Когда четыре серии сошлись, я позволила рабочим снять верхний слой земли вокруг камня.

Под дерном обнаружилась старая отмостка из плоских плит. Швы заросли тонкими корнями. На северной грани гранита проступила горизонтальная метка глубины. Столб стоял именно так, как его установили много лет назад. Вынуть его и вернуть без повреждения плит, грунта и корней было невозможно.

— Камень не переносили, — сказал Риан.

— С высокой вероятностью.

— Что вам мешает сказать прямо?

— Мы открыли только верхнюю часть. После полной раскопки скажу точнее.

— В моем протоколе каменщики написали то же самое.

— И где протокол?

Он посмотрел на Дерена.

— Копия в семейном архиве.

— Тогда приложим к нашему журналу. Пока его нет, я не могу сослаться на документ, который видели вы и ваши люди.

Риан провел пальцами по краю медной крышки, но открывать не стал.

— Вы подозреваете меня в переносе камня?

— Я проверяю возможность. Если бы вы перенесли его и хотели скрыть, то первыми свидетелями сделали бы своих стражников и каменщиков.

— А если бы не переносил?

— Поступили бы точно так же. Поэтому ваши намерения ничего не доказывают.

Он отступил от опоры.

— Продолжайте.

Я открыла руководство на заложенной странице. Для пробной привязки требовался контрольный штырь с медным навершием. Овин принес его из ящика и вбил в уже измеренную точку в тридцати двух шагах к западу. Я проверила расстояние лентой, угол угломером и перепад высоты с помощью уровня. Все числа Дерен записал дважды: в мой журнал и в дорожный.

— Теперь мне нужен свидетель, который не касается ни камня, ни печати, — сказала я.

— Я, — ответил Риан.

— Вы заинтересованный владелец.

— По вашему же утверждению, пока неизвестно, владелец ли я.

— Это не делает вас нейтральным.

Дерен закрыл дорожный журнал.

— Свидетелем буду я. Моя обязанность — безопасность заявительницы, а не право на землю.

Я согласилась. Риан остался возле вехи.

Личная печать лежала в футляре. Медный стилус был тяжелее обычной ручки и имел плоский конец. По инструкции я внесла на узкую полосу номер опоры, длину пробного участка, угол и время. Потом вставила полосу в паз на крышке камня.

До этого момента работа оставалась знакомой: измерить, записать, дать другому человеку проверить исходные данные. Следующий шаг относился к телу, которое я получила четыре дня назад.

— Если я перестану отвечать, печать снимаете вы, — сказала я Дерену. — За рукоять. Металла полосы не касаться.

— Через какое время?

— Десять ударов сердца после потери ответа.

— Откуда это известно?

Я показала строку в руководстве.

— Что произойдет, если снять раньше? — спросил Риан.

— Проба не завершится.

— Позже?

— Здесь не указано.

— Последние страницы?

— Возможно.

Он хотел возразить. Я закрыла книгу.

— Это короткий участок в пределах безопасного допуска. Без проверки я не узнаю, могу ли вообще вести обход. Если откажусь сейчас, снос возобновят.

Риан перевел взгляд на Дерена.

— Считайте вслух.

— Только если я не отвечу, — напомнила я.

Капитан кивнул.

Я приложила печать к овальной выемке на полосе. Ничего не произошло. В инструкции следовало произнести номер первой точки, пройти к штырю, не отрывая печать от металла, и назвать измеренные значения.

— Северная опора С-1, — сказала я.

Под ладонью возникло легкое сопротивление, будто рукоять соединили с тугой пружиной под крышкой. Когда я сделала первый шаг, медная полоса начала выходить из паза следом за печатью. Она не растягивалась. Из камня выдвигалась новая часть с чистыми делениями.

Я шла медленно, ставя ноги рядом с измеренной линией. На пятом шаге заметила то, чего прежде не видела. От сердечника тянулись две узкие полосы бледно-синего цвета. Одна проходила под моими отметками к контрольному штырю и дальше вдоль лесной кромки. Вторая уходила вправо, пересекая луг по направлению к крепости.

Я остановилась.

— Что вы видите? — спросил Дерен.

— Две линии. Старая идет к лесу. Записанная — к востоку.

— Цвет?

— Обе синие. Вторая уже и прерывается возле луга.

Я продолжила. С каждым шагом сопротивление в рукояти усиливалось. На двадцатом появилось ощущение, что склон поднимается, хотя уровень показывал спуск. Я проверила положение ног и назвала Дерену свой номер шага.

— Речь ясная, — ответил он.

У контрольного штыря я повторила длину, угол и высоту. Затем провела плоским концом печати по наверху и сняла руку.

Медная полоса отделилась от рукояти. На ней остались две линии: глубокая прямая и тонкая, уходившая под углом. Возле прямой стоял номер старой опоры. Возле второй — код из реестровой выписки.

Я успела показать это Дерену.

Потом земля наклонилась влево.

Я переставила ногу, пытаюсь удержать равновесие, и чуть не шагнула в противоположную сторону. Дерен протянул руку, но не схватил меня.

— Нужна помощь?

— Стойте справа.

Он переместился. Я оперлась на его предплечье и закрыла глаза. Без зрительной опоры стало хуже: тело сообщало, что я лежу на боку, хотя подошвы чувствовали твердую землю.

— Сколько времени? — спросила я.

— Меньше минуты после снятия печати.

— Запишите потерю направления. Работа остановлена.

— Мы еще не открыли сердечник, — сказал Риан.

— Откроют рабочие. Я могу смотреть сидя.

— Вы уверены?

— Нет. Поэтому привязку больше не делаю.

Он сам принес складной стул из ящика и поставил его на ровную плиту. Перед тем как сесть, я проверила положение рукой. Движение выглядело неловко, но падение выглядело бы хуже и мешало бы работе.

Ларк и Овин сняли медную крышку. Под ней находился темный металлический сердечник толщиной с запястье. На его верхнем срезе были выбиты даты и коды. Последняя насечка раздваивалась: одна часть совпадала с осью камня, другая уходила к краю.

— Не вынимайте, — сказала я. — Очистите щеткой только срез.

Овин работал медленно. Под слоем пыли открылись старые отметки, все на одной оси, и новая косая риска. Гранит вокруг сердечника не имел свежих сколов. Крепежные штифты покрывала одинаковая темная пленка.

— Его не снимали, — произнес Ларк.

— Почему вы так решили? — спросила я.

— Штифты родные. Если вынуть сердечник, придется срезать хотя бы один.

— Внесите это как мнение каменщика и опишите признаки, — попросила я Дерена. — Не как установленный факт.

Риан присел возле камня и сравнил пробную полосу с копией реестра.

— Код один и тот же.

— Да.

— Но линия другая.

— Запись направляет контур на восток, хотя физическая опора осталась здесь. Записка Нериссы верна: искать нужно не в земле.

— Где тогда?

— В последовательности реестровых операций. Кто внес новый угол, на каком основании и где хранится первичная запись.

— Пластина пропала.

— Поэтому начнем с копий и кодов.

Он поднялся.

— Этого достаточно, чтобы отменить снос?

— Нет.

— Камень цел. Контур изменен без переноса. Что еще нужно?

— Проверить остальные точки. Возможно, этот камень единственный правильный, а вся прежняя граница неверна. Возможно, ваш отец поставил его не по договору. Возможно, реестр изменили законно после решения, которого у нас пока нет.

— Вы только что доказали вмешательство.

— Я доказала расхождение. Вмешательство — один из вариантов причины.

Риан отвернулся к лугу. Его плечи оставались неподвижными, и я не стала приписывать этому удобное чувство.

— Если бы вы хотели угодить мне, сейчас было подходящее время, — сказал он.

— Я предупреждала, что не буду.

— Да. Предупреждали.

Он отдал рабочим распоряжение закрыть сердечник, восстановить дерн и поставить вокруг временную ограду. Каждое действие Дерен внес в журнал. Пробную полосу я положила в отдельный футляр и опечатала сухим оттиском на бумажной ленте.

Возвращаться в крепость оказалось сложнее, чем идти к камню. Зрение показывало верное положение тропы, но тело принимало спуск за боковой наклон. Первые десять шагов я прошла рядом с Дереном, держась за его локоть. Потом попросила остановиться.

— Если смотреть на одну точку впереди, легче, — сказала я.

Риан встал на тропе примерно в двадцати шагах.

— Подойдет дерево за мной?

— Вы закрываете ствол.

Он сместился в сторону.

— Теперь?

— Да.

Я шла от одной видимой опоры к другой. Риан выбирал следующий камень или дерево, ждал, пока я подойду, и отходил дальше. Он не предлагал нести меня, не ускорял и не говорил, что все уже закончилось. Через полчаса мы добрались до ворот.

Марта встретила нас с кружкой воды и миской соленого бульона. Дерен успел отправить вперед Лессу, поэтому управляющая не задавала вопросов.

— Сядете в архиве или в комнате? — спросила она.

— В архиве. Мне нужно сверить код.

— Сначала выпьете.

— Это приказ?

— Это условие, при котором я не позову лекаря и не потеряю еще два часа на объяснения.

Я выпила бульон.

Дерен поставил на стол часы и попросил меня закрыть глаза. Потом развернул стул на четверть оборота.

— Покажите на дверь.

Я указала в сторону шкафа.

— Ошибка почти в прямой угол, — сказал он. — Ноги держат?

— Пока вижу пол. Без зрения кажется, что стул наклонен.

— В руководстве есть срок?

Я нашла таблицу. Для пробного участка указывали от нескольких минут до часа, но рядом Нерисса перечеркнула верхнюю границу и написала цифру четыре. Единицы времени она не поставила.

— Официально — до часа. По ее заметке, возможно, до четырех.

— Часов? — спросил Риан.

— Или дней. Поэтому проверим через каждые тридцать минут и запишем результат.

Марта придвинула к стене свободную кушетку.

— Здесь ляжете, если станет хуже. Воду оставлю рядом. В лечебнице вам дадут то же самое, только будут мешать вопросами.

— Магического лечения нет?

— От потери направления? Нет. Сон, еда и ожидание.

Так цена из учебника превращалась во время, которое нельзя вернуть в срок обхода. Я попросила Дерена отдельно отметить: следующая привязка запрещена до полного восстановления ориентации.

В архиве Риан принес старый протокол осмотра. Дерен разложил рядом копию реестровой выписки, пробную полосу и мои измерения. Я могла читать только сидя; если поднимала голову, пол снова уходил в сторону.

Протокол каменщиков подтверждал целую отмостку и неснятые штифты. Его составили через день после последнего сдвига и отправили в палату. Входящий номер был указан. Ответа не было.

В реестровой выписке операция с косым кодом значилась как «уточнение по итогам естественного изменения почвы». Исполнитель — Нерисса Вейр. Свидетель — инспектор Коронной палаты. Имя в короткой выписке не приводилось.

— Почва не менялась, — сказал Риан.

— Видимая часть не дает признаков. Нужен геолог или хотя бы сравнение высот соседних точек.

— Вы опять оставляете лазейку.

— Я оставляю проверяемую версию. Если заявить подлог раньше доказательства, Карвен будет спорить не с измерениями, а с обвинением.

Дерен перелистнул журнал.

— Что вы предлагаете?

— Два расследования. Первое — полный физический обход. Второе — цепочка каждой операции: заявление, полевой журнал, контрольная пластина, код канцелярии и свидетель. Они встретятся там, где запись перестала соответствовать земле.

— Времени двадцать шесть дней, — напомнил Риан.

— Сегодня мы проверили одну опору за четыре часа, включая поверку инструментов. Дальше будет быстрее.

— Если вы сможете идти.

— Сегодня больше не буду. Завтра посмотрим по состоянию.

Он открыл рот, но вместо возражения спросил:

— Что вам нужно для второй части?

— Полная выписка с именем свидетеля. Книга входящих ответов палаты. Все ваши письма по семнадцати сдвигам. И человек, который умеет читать следы на печатях лучше меня.

— Такой человек есть. Брат Нериссы работает гравером.

Я вспомнила пустой сундук без писем.

— Он знает об обвинении?

— Был на первом слушании. Сегодня должен получить судебное решение.

— Не вызывайте его от моего имени.

— Почему?

— Потому что я не его сестра.

Риан посмотрел на ожог у меня на запястье, затем на лицо.

— Это пока ваше заявление.

— Для него разница будет важнее, чем для суда.

— Хорошо. Я отправлю запрос как владелец спорной территории.

Он взял лист, но Дерен остановил его раньше, чем перо коснулось бумаги.

— Ворота передают сигнал. Прибыл гонец палаты.

Дерен вышел и вернулся через несколько минут с запечатанным извещением. Инспектор Ивар Тессен выехал из столицы утром и требовал подготовить для него оригиналы всех полевых записей. При обычной скорости он должен был прибыть на девятый день.

— Раньше его не ждали? — спросила я.

— Палата обещала дать нам неделю без внешнего вмешательства, — ответил Риан. — Тессен умеет сокращать чужое время, когда надеется найти людей неподготовленными.

Я закрыла футляр с пробной полосой и передала Дерену для записи.

Сегодня мы доказали, что северный камень не перемешали, а государственная запись уводила контур в сторону. Через три дня человек из палаты постарается объяснить, почему это считается нормой.

Мне требовалось восстановить равновесие раньше, чем он предложит проверить его новой подписью.

ГЛАВА 4. Люди между коронами

Утром Дерен снова развернул мой стул.

Я закрыла глаза, дождалась, пока он остановится, и показала на дверь. Потом встала, прошла до окна и вернулась к столу. Пол оставался горизонтальным, расстояние не менялось в середине шага.

— Девять часов после привязки, — сказал капитан. — Ошибки не вижу.

— Я тоже.

— Это не доказательство полного восстановления.

— Верно. Поэтому сегодня только один короткий участок и только при необходимости.

Риан стоял у окна с письмом в руке.

— Необходимость уже возникла. В Бренне остенский сборщик опечатал мельничный склад. Через час он начнет вывозить зерно.

— На каком основании?

— Плотина со вчерашнего дня числится в Остене. Они считают, что мельница использовала чужую воду без уплаты.

— А до вчерашнего дня?

— Плотина была в Лаверне. Сама мельница остается здесь по обеим книгам.

Я взяла копию карты.

— Новый сдвиг?

— Нет. Остен получил позднее извещение о зимней записи и решил взыскать долг сейчас.

Событие не ждало, пока я научусь местному праву. В прежней жизни я однажды позволила процедуре идти своим порядком, потому что формальный срок ответа еще не закончился. Второй раз прикрываться сроком было бы уже выбором.

— Нужны дорожный журнал, руководство, исправная лента и печать. Отправьте вперед человека, чтобы ничего не вывозили до моего приезда.

— Мой запрет сборщик не признает.

— Пусть человек передаст, что едет межевица по активному обходу. Если они продолжают после уведомления, это будет отдельное действие при свидетелях.

Риан повернулся к Дерену.

— Лесса поедет вперед.

— Без угроз, — сказала я.

— Я знаю, что такое уведомление.

— Хорошо.

Он задержался у двери.

— Вчера вы не могли дойти до ворот. Сегодня собираетесь спорить с остенским отрядом.

— Я собираюсь читать документы. Если состояние изменится, остановлюсь.

— Вы внесете это в журнал?

— Уже внесла.

По дороге в Бренн нас сопровождали шестеро стражников. Риан хотел взять двенадцать, но Дерен напомнил, что остенский пост насчитывает восемь человек и любое численное преимущество будет выглядеть как давление. Герцог оставил половину отряда у крепости. Я отметила решение. Оно противоречило моему первому представлению о человеке, который привык решать все властью.

От ворот до деревни было меньше часа верхом. Мне дали спокойную гнедую кобылу и седло с высокой лукой. Тело Нериссы держалось уверенно, хотя я не помнила, когда сама последний раз сидела на лошади. Автоматический навык был похож на местную речь: доступен до тех пор, пока я не пыталась объяснить себе каждое движение.

Я не стала проверять его на скорости.

Бренн стоял по обе стороны неглубокой реки. Большая часть домов находилась на западном берегу, мельница — у каменной плотины ближе к мосту. Над складом висели два флага: зеленый Лаверна и бело-серый Остена. Ни один не был поднят до конца. Между телегами спорили человек двадцать.

Лесса встретила нас у въезда.

— Вывоз остановлен до вашего прибытия. Сборщик требует начать через четверть часа по своим часам.

— Кто поставил второй флаг?

— Его люди. Наш висел здесь всегда.

— Никому не снимать.

У дверей склада стояла женщина в темной юбке и коротком рабочем жакете. Ее седые волосы были заплетены в тугую косу. В одной руке она держала связку бумаг, во второй — большой деревянный черпак.

— Госпожа межевица? — спросила она.

— Да.

— Нора Келл. Мельница моя. Если вы опять скажете, что берег сам ушел на восток, сначала покажите, где он был ночью.

— Я не была здесь ночью.

— В прошлый раз вы тоже приехали днем.

Для нее мое лицо принадлежало женщине, которая уже отказалась помочь. Объяснять переход посреди двора было бессмысленно.

— Покажите документы по порядку, — попросила я. — Сначала право на мельницу, потом плотина, потом требования сборщика.

— У меня два порядка. Какой короне угоднее?

— По дате.

Нора подала верхний лист. Бумаги были сложены аккуратно, на каждом углу стоял номер. Право на мельницу ее семья получила тридцать два года назад. Плотину перестраивали после войны, и в договоре она числилась единым сооружением с мельничным колесом. Зимнее извещение Остена отделяло плотину по новой линии и начисляло плату за воду. Лаверн через месяц потребовал обычный мельничный сбор в полном размере.

— Вы заплатили обоим? — спросила я.

— Иначе одни забрали бы зерно, а другие закрыли торговлю. Хотите квитанции?

— Все, какие есть.

— Тогда пойдемте в дом. На дворе ветер переворачивает листы, а эти господа считают любой наш шаг попыткой спрятать имущество.

«Господа» стояли у двух крытых телег. Старший носил серый плащ с белой каймой. Он представился сборщиком Остена Ревеном Марсом и показал распоряжение окружного казначейства.

— Взыскание законно, — сказал он. — Долг подтвержден реестром. Присутствие лавернского герцога ничего не меняет.

— Я приехал не менять ваш реестр, — ответил Риан. — Я приехал проследить, чтобы вы не вывезли пищу у людей, чье подданство оспаривается.

— Эти люди не ваши подданные.

Риан сделал шаг вперед. Его стража не двинулась, но остенцы одновременно повернулись к своим телегам, где лежало оружие.

— Оставайтесь здесь, — сказала я Риану.

Он посмотрел на меня.

— Вы отдаете приказ?

— Прошу не превращать проверку документов в спор двух отрядов. Если сборщик нарушит активный обход, это будет записано. Если вы помешаете ему силой, записано будет другое.

Дерен стоял рядом с открытым журналом. Риан видел это не хуже меня.

— Я останусь во дворе, — сказал он.

Сборщик усмехнулся.

— Межевица Вейр снова служит короне, которая громче требует.

— Пока я попросила остановиться только герцога. Вам предлагаю показать исходные документы и дожидаться проверки участка.

— Время взыскания назначено через четверть часа.

— Тогда объясните письменно, почему казначейство не может подождать до окончания судебного обхода.

— Потому что зерно можно вывезти.

— Вы сами собираетесь его вывезти.

Нора коротко хмыкнула и повела меня в дом.

В комнате за мельницей стоял длинный стол, занятый книгами и мешочками с образцами зерна. Нора достала из железного шкафа квитанции. Платежи были разбиты по месяцам. Одна книга относилась к Лаверну, вторая к Остену. Печати различались, но под строкой получателя в обоих случаях значилось товарищество «Три дороги».

— Это кто? — спросила я.

— Сборщики говорят, общий перевозчик двух корон, — ответила Нора. — Только зерно мы возим сами, а деньги принимают их люди.

— С какого года?

— Три года назад они появились на восточной дороге. Сначала брали пошлину за мост. Потом стали собирать долги по земле.

Я выписала номера квитанций и суммы. Подписи получателей менялись, код товарищества оставался одинаковым.

— Вы сказали, документы людей тоже расходятся.

Нора открыла третью книгу.

— Семь семей. Вот дом моей сестры: в лавернской книге она вдова, в остенской ее брак не зарегистрирован, потому что запись делали на другом берегу. Дом мужа после смерти должен перейти ей. Остен считает, что наследников нет. Вот кузнец: родился в Бренне, но старый приход теперь оказался за границей, и запись о рождении не принимают. Его сыновей не внесли в ремесленную книгу.

— Сами люди где?

— Трое в крепости. Остальные здесь. Вы хотите их опросить?

— По одному и при выбранном ими свидетеле. Не сегодня всех. Сначала нужно остановить вывоз.

В дверь вошла женщина лет сорока с двумя дощечками, связанными шнуром. Нора представила ее как сестру и осталась у стола по ее просьбе. На первой дощечке брак был зарегистрирован девятнадцать лет назад в Бренне. На второй приход, где стояла запись, уже относился к Лаверну, а дом мужа — к Остену. Восточный чиновник написал поверх старого оттиска: «Связь сторон не подтверждена».

— Муж умер зимой, — сказала женщина. — Дом строили вместе. Сейчас мне дают десять дней на выезд, потому что наследником считается дальний племянник из Остена. Он сам написал, что дом ему не нужен, но суд не принимает письмо без признанного родства.

— Где оригинал книги браков?

— В приходе. Священник подтвердит.

— Дом опечатан?

— Пока нет. Приказ принесли вчера.

Я записала номер приказа и имя чиновника.

— Можете поставить свою печать и вернуть дом? — спросила она.

— Нет. Моя печать не создает брак и не решает наследственный спор.

Женщина опустила дощечки. Я продолжила раньше, чем молчание превратило мой ответ в окончательный отказ.

— Но я могу включить дом в проверяемый участок и подтвердить, что запись о браке существовала до изменения линии. Сегодня составим копию при священнике и Норе. Если придут опечатывать дом до комиссии, покажете уведомление об активном обходе. Оно не даст вам право навсегда, но остановит действие до проверки.

— На сколько?

— Сейчас не знаю. Уточню у судьи Остена и дам письменный ответ.

Она кивнула без благодарности. Ей требовался срок и документ, а не хорошее отношение к новой межевице. Такой порядок был честнее для нас обеих.

Нора проводила сестру до двери.

— В прошлый раз вы велели ей обращаться в восточный суд, — сказала она, вернувшись.

— Суд ответил?

— Через четыре месяца. Одной строкой.

— Тогда эту строку тоже приложим. Она показывает, что обычный порядок не защищает имущество до решения.

Нора закрыла книгу.

— В прошлый раз вы сказали, что личные истории не относятся к контуру.

— Это сказала Нерисса.

— Вы называете себя по имени, когда удобно отойти от подписи?

Вопрос был справедливее, чем мне хотелось.

— Меня зовут Варвара. Документы выданы телу и печати Нериссы, поэтому суд пока считает нас одним человеком. Я не прошу вас принять мое объяснение. Сегодня я отвечаю за свое решение.

— Какое?

— Если участок допускает временную отметку, я ее поставлю. Если нет, прямо скажу, что законного способа остановить вывоз у меня нет.

Нора несколько секунд изучала мое лицо.

— Хорошо. Но квитанции останутся у меня.

— Мне нужны копии или точная выписка при вас.

— Выписывайте.

Возле плотины находились две межевые точки. Первая была встроена в каменный парапет моста, вторая — в фундамент мельницы. Между ними было семьдесят четыре шага. По зимней карте линия проходила вдоль воды, разрезая плотину. По старому акту обе точки относились к одному участку.

Я открыла руководство на разделе о спорной отметке. Она применялась, когда принудительное действие могло уничтожить предмет проверки до решения комиссии. Отметка не меняла подданство и не закрепляла новый контур. Она приостанавливала взыскание на семьдесят два часа и требовала двух свидетелей: представителя действующей записи и человека, отвечающего за безопасность обхода.

— Господин Марс, — позвала я сборщика. — Вы будете первым свидетелем.

— Я не согласен.

— Тогда укажите отказ в акте. По статье ответственность за сохранность зерна до решения перейдет на вас лично.

Он взял руководство, прочел отмеченный абзац и потребовал показать лицензию. Я предъявила печать, не выпуская футляр из рук. Дерен назвал номер судебного обхода. Сборщик проверил копию решения.

— Семьдесят два часа, — сказал он. — После этого взыскание возобновится.

— Если комиссия не продлит спорный статус.

— Комиссии нет.

— После вашего сегодняшнего рапорта Остен ее назначит.

Он понял последствие одновременно со мной. Любой официальный протест превращал внутренний спор Лаверна в дело двух корон.

— Вы намеренно втягиваете Остен, — сказал Марс.

— Ваша книга уже считает плотину остенской. Я только требую, чтобы вы отвечали за эту запись открыто.

Мы измерили расстояние обычной лентой. Нора держала начало у мельничной точки, один из людей Марса — конец у моста. Я повторила замер в обратном направлении и получила разницу меньше четверти деления. Угол сняла трижды. Дерен записал значения, Марс прочел их вслух по своей копии.

Для отметки не требовалось тянуть медную полосу между точками. Я внесла данные на небольшую пластину, поставила ее в паз мостового знака и приложила печать. Дерен коснулся свидетельской отметки рукоятью своего знака. Марс сделал то же самое плоским жетоном Остена.

На пластине проявились три насечки. От мостового знака до мельницы стала видна тонкая синяя линия. Она не сместилась; по обе стороны от нее появились короткие поперечные черты, обозначающие запрет на действие.

У меня заложило левое ухо. Склон не изменил положения, шаг оставался уверенным. Я сняла печать и назвала Дерену симптом.

— Направление?

Я закрыла глаза и показала на мост.

— Верно, — сказал он.

Марс проверил пластину.

— До полудня третьего дня. Потом я вернусь.

— Ваше право. До этого зерно остается на месте, пломбы со склада снимаются при свидетелях, а вы отправляете рапорт о споре в Остен.

— В рапорте будет указано присутствие вооруженного отряда герцога.

— Укажите численность обоих отрядов и то, что никто не обнажал оружие.

Он посмотрел на Риана, который все это время стоял у мельничной стены.

— Герцог подчинился вашему распоряжению?

— Моей просьбе не мешать проверке.

Риан встретил взгляд сборщика.

— Запишите именно так.

Пломбы сняли. Нора пересчитала мешки вместе с двумя людьми Марса и расписалась в акте сохранности. Ничего героического не произошло. Зерно осталось у владельцев потому, что нашлась статья, которую противная сторона не могла нарушить без личной ответственности.

Мне нравились такие победы. Они выдерживали проверку утром.

Пока Нора готовила копии квитанций, я поговорила с четырьмя жителями из семи семей. Не просила рассказывать всю жизнь. Записывала дату рождения, основание владения домом, номер старого документа, момент первого отказа и практическое последствие. У вдовы не принимали наследственное заявление. Кузнец не мог зарегистрировать учеников. Семья пастуха

платила за выпас обеим коронам. Седьмой дом пустовал: его хозяина отправили в крепость после того, как ни один суд не признал право на крышу.

В каждой истории было действие чиновника, номер бумаги и сумма. Это уже можно было проверить.

— Вы поздно начали спрашивать, — сказала Нора, когда мы остались у стола вдвоем.

— Да.

— Почему?

Я могла сослаться на другой мир и четыре дня в чужом теле. Но свой первый расчет я сделала в суде, а о людях спросила только после того, как увидела их в крепости.

— Я привыкла сначала проверять карту. Это не всегда правильный порядок.

Нора положила передо мной пачку копий.

— Карта хотя бы не перебивает.

— Зато ее часто используют люди, которые перебивают.

— Это уже больше похоже на прежнюю Нериссу. Она была резкой, когда злилась.

— Я не хочу быть похожей на нее только в удобных местах.

Нора не ответила. Она запечатала копии своей мельничной печатью и передала их Дерену для записи.

Во дворе Риан разговаривал со старшим возчиком. Две пустые телеги отправлялись обратно в крепость, еще четыре приближались по дороге.

— Что в них? — спросила я.

— Крупа и сушеное мясо из моего склада.

— Для Бренна?

— На случай, если зерно все-таки вывезут.

— Теперь не вывезут трое суток.

— Люди успеют смолотить часть и распределить. Остальное вернем.

— За чей счет?

— За мой.

— Как милость герцога?

Он повернулся ко мне.

— Как поставка по обычной накладной. Бренн оплачивает после урожая по той же цене, что платит крепость. Если комиссия признает двойной сбор незаконным, долг уменьшается на взысканную сумму.

— Вы подготовили документы заранее?

— Пока вы читали квитанции.

Я попросила показать накладную. Условия совпадали с его словами, штрафа за задержку не было. Риан не отдавал зерно в обмен на благодарность и не превращал помощь в доказательство права. Он решал задачу, которую мог решить без нарушения моей работы.

— Подходит, — сказала я.

— Рад получить разрешение распоряжаться своим складом.

— Вы его не просили.

— Вы все равно проверили.

— Иначе позже кто-нибудь назвал бы поставку платой свидетелям.

Его ирония исчезла.

— Верно. Дерен, приложите копию накладной к журналу обхода.

На обратном пути левое ухо перестало быть заложенным. Других последствий отметки не возникло. Я ехала рядом с Дереном и просматривала квитанции. На каждой стояла государственная печать, но номер получателя начинался одинаково: ТД-3. Через товарищество проходили и лавернские, и остенские платежи.

— Общий сборщик по мирному договору возможен? — спросила я.

— Для мостов и дорог, — ответил Дерен. — Земельные платежи каждая корона собирает сама.

— Здесь в назначении указана земля.

Он сравнил две квитанции.

— Раньше я видел только лавернские.

— Кто утверждает перечень посредников?

— Коронная палата и казначейство.

— Карвен?

— Первый регистратор подписывает земельную часть.

Это еще не доказывало его выгоду. Товарищество могло работать законно, а код — использоваться по ошибке. Я внесла вопрос в список проверок и попросила Риана дать книги платежей по другим спорным участкам.

У ворот крепости нас встретил секретарь канцелярии с двумя письмами. Первое пришло из Остена: сборщик Марс успел отправить гонца с заставы. Окружной суд заявлял протест против вмешательства лавернской межевицы и требовал своего представителя на всех дальнейших действиях у реки.

— Быстро, — сказала я.

— У них сменные лошади на восточной дороге, — ответил Дерен. — До окружного суда два часа.

— Это плохо? — спросил Риан.

— Это делает копии обязательными. И дает нам свидетеля, который не зависит от вашей палаты.

Второе письмо было адресовано Риану. Он прочел, затем передал мне.

Тален Вейр отвечал на запрос о печати сестры. Он прибыл в крепость час назад и ждал у западных ворот, потому что стража не разрешала ему войти без решения герцога.

— Почему у западных? — спросила я.

— Там принимают людей без действительных документов, — ответил Риан. — После обвинения Нериссы его служебный пропуск приостановили.

Мы прошли через внутренний двор. У западных ворот стоял худой молодой мужчина с дорожной сумкой и деревянным футляром для инструментов. Темные волосы были собраны на затылке, на пальцах остались черные следы гравировальной пасты.

Он увидел меня, выронил футляр и сделал два шага навстречу.

— Нерисса.

Я остановилась раньше, чем он успел меня обнять.

— Не подходите, пожалуйста.

Молодой мужчина замер. Его лицо изменилось не сразу; сначала он посмотрел на стражу, затем на Риана.

— Что вы с ней сделали?

— Ничего, — ответила я. — Но нам нужно поговорить при свидетелях.

Он снова посмотрел на меня.

— Сестра, это я. Тален.

— Я знаю ваше имя. Больше я о вас ничего не помню.

Сказать всю правду предстояло в архиве, где можно было закрыть документы и оставить дверь открытой для стражи. Уже по тому, как Тален поднял упавший футляр, я понимала: никакой правильной формулировки, которая не причинит ему боли, не существовало.

Оставалось выбрать честную.

ГЛАВА 5. Записки Нериссы

Тален согласился войти в крепость только после того, как Дерен записал: его пропуск приостановлен палатой, но не аннулирован судом.

— Я не прошу у герцога милости, — сказал он.

— И не получите, — ответил Риан. — Вход разрешен как специалисту, вызванному для государственного обхода.

— Я приехал к сестре.

— Тогда решение о разговоре принимает она.

Тален посмотрел на меня. Отказать ему во встрече было бы легче, чем снова произнести правду. Но тогда он начал бы искать объяснение у Риана, палаты или любого человека, готового воспользоваться его растерянностью.

— Поговорим в архиве, — сказала я. — Дверь останется открытой. Дерен ведет запись. Если захотите уйти, никто не остановит.

— Зачем нам герцог и его капитан?

— Чтобы завтра никто не пересказал мои слова иначе.

— Ты боишься меня?

— Я вас не знаю.

Он вздрогнул, но спорить не стал.

В архиве Марта поставила на стол лампы и принесла еще один стул. Уходить она не собиралась.

— Нерисса жила в моем доме во время трех проверок, — объяснила она. — Если речь о том, кто перед нами, я имею право услышать.

Тален хотел возразить, но я согласилась. Марта знала прежнюю хозяйку тела лучше меня и не зависела от палаты. Риан сел у дальней стены. Дерен остался у двери с журналом.

Я повторила заявление, сделанное на почтовом дворе. Назвала свое имя, возраст, город, профессию, карьер и провал. Рассказала о двух минутах без дыхания со слов лекаря. Не стала описывать машины, спутники и электричество: сейчас они только сделали бы историю длиннее.

Тален слушал, положив футляр на колени. Когда я закончила, он спросил:

— Как звали нашу мать?

— Не знаю.

— Где мы жили до столицы?

— Не знаю.

— Что я написал тебе перед первым слушанием?

— Я не видела письма.

— У тебя шрам под правым коленом. Откуда он?

— Не знаю. Я еще не видела его.

Последний ответ заставил его отвернуться. Марта положила ладони на стол, но не вмешалась.

— Можно выучить чужую историю, — сказал Тален. — Можно притвориться, что ничего не помнишь. Как проверить твой рассказ о другом мире?

— Пока я не знаю.

— Тогда зачем говорить?

— Чтобы не заставлять вас обращаться со мной как с сестрой, которой я не являюсь.

— Ты носишь ее лицо.

— Да.

— Ее голос.

— Да.

— Ее руки.

Я посмотрела на тонкие пальцы с темной пылью возле ногтей. За шесть дней они уже начинали казаться привычными, и это пугало сильнее первого взгляда в стекло.

— Да. Но я не знаю, что она любила, чего боялась и почему подписала акт. Если я начну отвечать вам так, как ответила бы сестра, это будет обман.

Тален встал. Дерен не двинулся, только отметил время.

— Что с ней произошло?

— Я знаю лишь то, что видела и что сказала лекарь. Нерисса потеряла сознание во время заседания. Ее сердце остановилось. В тот же момент я упала у межевого знака на Земле. Когда тело снова начало дышать, в нем была я.

— Значит, ты заняла ее место.

— Возможно. Я не выбирала этого и не знаю, существовал ли другой исход.

— Очень удобно.

— Нет. Удобно было бы проснуться дома.

Слова прозвучали жестче, чем требовалось. Я остановилась, прежде чем добавить оправдание. Тален имел право злиться, но я тоже потеряла жизнь, которую не успела завершить.

— Вы утверждаете, что Нерисса умерла в палате? — спросила Марта.

— Да.

— Тогда почему тело осталось живым?

— Не знаю.

Она приняла ответ коротким кивком. Риан все это время молчал. Тален повернулся к нему.

— Вы верите?

— Нет, — ответил Риан.

— И держите ее у себя?

— Суд поручил мне обеспечить обход. Ее первое измерение показало, что северный камень не переносили, а реестр изменен. Пока это полезнее моей веры.

— Нерисса тоже умела измерять.

— Но в последний приезд отказалась открыть сердечник.

Тален шагнул к нему.

— Вы заперли ее в крепости.

— На два часа. Потом она предъявила приказ, и я открыл ворота.

— После ваших угроз она неделю не могла держать стилус.

— Я ей не угрожал.

— Тогда чего она боялась?

Риан не ответил сразу.

— Если бы знал, сегодня не искал бы ее журнал.

Это остановило Талена. Он посмотрел на меня.

— Журнал у тебя?

— Нет. Палата пишет, что его местонахождение устанавливается. В ящике осталось руководство с вырезанным приложением и записка.

Я показала полоску: «Если северный камень цел, искать надо не в земле».

Тален прочел и провел пальцем рядом со строкой, не касаясь чернил.

— Ее почерк.

— Вы уверены?

— Я делал матрицу для ее первой печати. Знаю, как она выводила буквы.

— У вас есть другие записи для сравнения?

Его рука остановилась на футляре.

— Зачем?

— Чтобы проверить почерк, найти упоминания камней и понять, что она обнаружила до ареста.

— А потом отдать палате?

— Нет. Оригинал останется у владельца. Я сниму копию при вас, Дерен внесет каждое действие. Если не хотите показывать, я не буду требовать от имени Нериссы.

Тален прижал футляр к коленям.

— Он принадлежал ей.

— Тогда решать должен ее наследник, а не я.

— Пока суд считает тебя Нериссой, наследника нет.

— Поэтому я не стану пользоваться этой лазейкой.

Тален медленно снял с шеи тонкий шнур. На нем висела маленькая костяная пластинка с тремя отверстиями.

— Что это?

— Ты должна знать.

— Не знаю.

— Мы получили такие в детстве. Моя сломалась, и Нерисса вырезала новую. Три отверстия — наш старый дом, мастерская отца и дорога между ними. Она носила вторую до отъезда в столицу.

Я взяла пластинку только после его кивка. На одной стороне были видны неровные следы ножа, на другой — две буквы. Вещь не вызвала воспоминаний. Я вернула ее.

— Вчера ты держала стилус иначе, — продолжил Тален. — Нерисса прижимала средним пальцем к плоской стороне. У нее там был мозоль.

Я посмотрела на руку. Утолщение кожи действительно осталось, но я держала перо так, как привыкла на Земле.

— Это помогает вам поверить?

— Помогает понять, что с ней что-то случилось. Но между потерей памяти и чужим человеком большая разница.

— Согласна.

— В последний год у нее дрожали руки после работы. Она говорила, что это обычная цена. Я предлагал обратиться к лекарю палаты, она запретила даже писать ему.

— Почему?

— Сказала, что тогда ее отстранят до конца проверки. Потом перестала отвечать на мои письма. Перед первым слушанием я увидел ее на несколько минут. Она повторяла, что изменения верны, но даже мне не дала проверить печать.

— Она боялась, что вы найдете повреждение?

— Или что за нами наблюдают. Я не успел спросить. Стража увела ее в зал.

Это не доказывало принуждение, зато объясняло, почему в руководстве возле цены стояли перечеркнутые знаки. Нерисса знала, что последствия длились дольше официального срока, и продолжала работать.

— Запишите это отдельным свидетельством, — попросила я. — С датами писем и вашей последней встречи.

— Ты хочешь использовать меня против нее?

— Хочу установить, кто назначал работу после появления дрожи. Если она скрыла состояние сама, это один вывод. Если палата знала и продолжала выдавать задания, другой.

Тален надел шнур обратно. После этого его ладонь осталась на футляре, но пальцы больше не удерживали крышку.

Он сел. Несколько минут слышно было только, как Дерен переворачивает страницу журнала. Потом Тален открыл футляр. Под гравировальными резцами лежала тонкая доска. Он нажал на две защелки, поднял ее и достал темную тетрадь.

— Она прислала мне это за три дня до задержания, — сказал он. — Просила хранить и никому не говорить. Я принес тетрадь на первое слушание, но Карвен потребовал отдать ее следствию. Я сказал, что оставил дома.

— Это записано в протоколе?

— Записано, что я отрицаю наличие личных документов.

— Тогда сейчас вы подтверждаете обратное при четырех свидетелях.

— Хочешь обвинить меня?

— Хочу, чтобы позднее никто не заявил, будто тетрадь появилась после нашего разговора.

Он подумал и передал ее Дерену. Капитан отметил состояние обложки, число заполненных листов и отсутствие трех последних. Потом положил тетрадь на стол между нами.

На первой странице Нерисса записывала расход материалов: медные полосы, севритовые вставки, воск, грифели. Дальше шли рабочие таблицы. Даты начинались год назад и заканчивались неделями до ее ареста. Почерк совпадал с заметками в руководстве.

— Почему листы вырваны? — спросила я.

— Такими и пришли.

— Письмо было?

— Только тетрадь и записка: «Храни там, где точность важнее приказа».

— Поэтому в футляре для резцов.

— Да.

Я не стала читать все записи ночью. Мы составили акт, Тален завернул тетрадь в чистую ткань и поставил свою граверную печать на узел. Оригинал остался у него. Утром мы должны были работать при дневном свете.

Перед тем как уйти, Тален остановился у двери.

— Как мне тебя называть?

— Варвара.

— Я не могу.

— Тогда госпожа Вейр, пока суд не решит иначе.

— Это имя моей сестры.

— Знаю.

— Нет, — сказал он. — Ты именно этого не знаешь.

Он ушел вместе с Дереном. Я осталась у стола. Риан поднялся последним.

— Вы не обязаны были рассказывать ему сегодня, — сказал он.

— Чем дольше я молчала бы, тем больше получила бы от его ошибки.

— Иногда отсрочка нужна, чтобы человек смог услышать.

— Иногда. Но решение об отсрочке должен принимать тот, чью боль мы якобы бережем.

Риан посмотрел в открытую дверь, за которой уже никого не было.

— Вы говорите обо мне или о себе?

— О Талене.

— Хорошо.

Он не пытался получить второй ответ.

На седьмой день я впервые работала не с картой, а с почерком погибшей женщины.

Тален принес тетрадь после завтрака. Марта выделила нам стол у северного окна, Дерен сел у двери. Риан занимался поставками в канцелярии и не присутствовал. Это облегчало разговор: брат Нериссы перестал искать в каждом вопросе интерес герцога.

Прежде чем открыть тетрадь, Тален потребовал осмотреть личную печать. Дерен принес футляр по журналу и остался у стола. Тален надел увеличительную линзу, положил рядом мягкий воск и снял три пробных оттиска без реестровой пластины.

— Это оригинал, — сказал он после третьего. — Видите короткий разрыв на внутреннем овале?

Я различила его только под линзой.

— Производственный дефект?

— Моя метка. Я оставил ее при первой гравировке и внес в книгу выдачи. Копия повторяет разрыв, но края будут уже, потому что снимается оттиск, а не глубина матрицы. Если новая пластина сделана копией, я это увижу.

— Почему нельзя сравнить с реестровой выпиской сейчас?

— На бумаге только рисунок операции. Нужна сама пластина или точный слепок. Кроме того, копию могли сделать во время продления и поправить вручную.

— Кто держит печать при продлении?

— Межевица сдает ее мастеру. Он очищает поверхность, проверяет рисунок, снимает контрольный оттиск и возвращает под расписку. Все время в комнате должен быть второй сотрудник.

— Если мастер вышел?

— Печать запирают в ящик.

— А если не заперли?

Тален снял линзу.

— За несколько минут можно приготовить мягкую форму. Готовая матрица потребует мастерской, но след уже получен.

Он проверил футляр. Защелка работала, следов взлома не было. Это ничего не говорило о прошлом: Нерисса сама передавала печать при продлении.

— После осмотра я должен поставить свою пломбу, — сказал Тален. — Иначе палата заявит, что мы изменили поверхность.

— Ставьте. Дерен укажет время и цель вскрытия.

Тален работал уверенно и без лишних движений. Когда он закрепил тонкую проволоку и вдавил в воск личный знак, я увидела человека, которого выбрали для другой части одной системы. Нерисса могла активировать контур, но только брат умел доказать, каким инструментом это сделали.

Мы начали с обычного сравнения. Подписи в тетради, руководстве и старом акте принадлежали одной руке. Расписка на двенадцать крон отличалась: буква в фамилии замыкалась в другую сторону, а нажим на последнем штрихе был сильнее.

— Это не она, — сказал Тален.

— Можете подтвердить официально?

— После измерения штрихов и сравнения с матрицей. Не на глаз.

— Тогда внесем как предварительное наблюдение. Оригинал расписки в палате, у нас только копия.

— Нерисса не взяла бы деньги без записи в своей книге.

— В расходах их нет.

Подделка расписки пока доказывала только, что кто-то провел деньги ее именем в день суда. Я добавила запрос о кассовой книге палаты.

Дальше мы разбирали таблицы. Большая часть относилась к реальным участкам. Тален узнавал названия, я сверяла числа с выпиской. Несколько раз находила расчетную ошибку и уже собиралась отметить ее, но соседняя строка исправляла результат. Нерисса проверяла себя другим способом.

— Она всегда так делала? — спросила я.

— Не знаю. Она не показывала мне расчеты, только печати.

— А чему вас учили вместе?

— Основам. Потом у нее проявился дар, а у меня нет. Меня отправили в граверную мастерскую.

Он произнес это без жалобы. Для палаты один ребенок оказался способен закреплять границы, другой — только изготавливать инструменты. При этом без работы Талена ни одна межевица не получила бы печать.

На последних десяти листах таблицы менялись. Вместо названий участков стояли номера. Поправки повторялись с одинаковым интервалом, хотя расстояния были разными.

— Так не бывает, — сказала я.

— Что именно?

— Погрешность не должна повторяться до одного деления на участках разной длины. Посмотрите: плюс двенадцать, минус три, плюс сорок один. Потом снова двенадцать, три, сорок один. И третий раз.

— Может, это код?

— Возможно. Но сначала проверим, не относятся ли числа к инструменту.

Мы сравнили даты поверки, температуру, длины лент и исполнителей. Единой причины не было. Тогда я взяла копию карты, поставила циркуль на северную опору и отложила первое число как угол, второе — как поправку направления, третье — как условное расстояние по масштабу тетради.

Линия пришла к южной сторожевой башне.

Вторая последовательность вывела к мостовому знаку. Третья — к заброшенному карьере.

Тален встал так резко, что стул сдвинулся.

— Карьер закрыли шесть лет назад.

— Почему?

— После гибели старого герцога. Там обрушилась разведочная штольня.

— Нерисса отмечала его год назад.

— Она не говорила, что ездила туда.

— Возможно, не ездила. Пока это направления из таблицы, а не доказанный маршрут.

Я сняла копию каждой страницы, сохраняя номера и пустые поля. Тален проверил порядок. Дерен поставил на копиях время.

В самом конце тетради оставалась одна строка без таблицы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.